

Фролов Д.В.
Введение Замахшари (ум. 1144) к его комментарий к Корану «ал-Кашшаф»

DOI 10.31162/2618-9569-2020-13-2-365-377
УДК 297.18

Translations
Переводы

Введение Замахшари (ум. 1144) к его комментарий к Корану «ал-Кашшаф»

Д.В. Фролов^{1а}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5985-6733>, e-mail: arabkaf07@mail.ru

Резюме: Настоящая публикация представляет собой комментированный перевод Введения к тафсиру Корана «ал-Кашшаф», автором которого является последний крупный представитель му‘тазилитской школы Джар Аллах аз-Замахшари (1075–1144). В нем богослов говорит о двух уровнях понимания Священного Писания, называет риторику главной наукой, необходимой для познания его сокровенных истин, а также раскрывает основные мотивы написания комментария. В предисловии к переводу описываются отличительные особенности экзегетической методологии Замахшари и приводится анализ Введения.

Ключевые слова: Замахшари; «ал-Кашшаф»; кораническая экзегетика (*тафсир*); корановедение

Для цитирования: Фролов Д.В. Введение Замахшари (ум. 1144) к его комментарий к Корану «ал-Кашшаф». *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):365-377 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-365-377

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

Introduction by Zamakhshari (d. 1144) to his commentary of the Qur'an «al-Kashshaf»

D.V. Frolov^{1a}

¹Moscow State University, Moscow, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5985-6733>, e-mail: arabkaf07@mail.ru

Abstract: The publication is presented in a form of a commented translation of the Introduction to the Tafsir of the Qur'an «al-Kashshaf», authored by the last major representative of the mu'tazilite school, Jar Allah az-Zamakhshari (1075-1144). In this book the theologian describes two levels of understanding of the Holy Scripture. He names Rhetoric as the main science that is necessary for revealing all the secret truths, and also displays the main motives of his commentary writing. The Preface to the translation describes the distinctive features of Zamakhshari's exegetical method and gives an analysis of the Introduction.

Keywords: Zamakhshari; al-Kashshaf; Qur'anic exegesis (*tafsir*); Qur'anic studies

For citation: Frolov D.V. Introduction by Zamakhshari (d. 1144) to his commentary of the Qur'an «al-Kashshaf». *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):365-377 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-365-377

Предисловие к переводу

Джар Аллах Абу-л-Касим Махмуд ибн 'Умар аз-Замахшари (1075-1144), прозванный «гордостью Хорезма», оставил яркий след в истории мусульманской науки. Это был человек разносторонних интересов.

Как богослов он принадлежал к школе му'тазилитов. Многие называют его последним крупным представителем этой школы, доминировавшей в XI-XII веках в Хорезме.

Как филолог Замахшари занимался грамматикой, риторикой и стихосложением. Его грамматический трактат «ал-Муфассал» был и до сих пор остается в числе самых известных и самых востребованных книг по арабской грамматике. Его труды «Асас ал-балага» (Основа красноречия) и «Ал-Кистас ал-мустакам фи 'илм ал-'аруд» (Правильные весы в науке стихосложения) также были весьма популярны.

Однако наибольшую славу ему принес его тафсир «ал-Кашшаф»¹, который входит в пятерку самых распространенных классических комментариев

¹ Полное название – «Раскрывающий истины ниспослания и источники суждений об аспектах истолкования» (*al-Kashshāf 'an ḥaqā'iq at-tanzil wa-'uyūn al-aqāwīl fī wujūh at-ta'wīl*).

к Корану и стоит в одном ряду с трудами Табари и Ибн Касира. Возникает вопрос, как получилось, что комментарий, написанный ученым, придерживавшимся доктрины му'тазилитизма, мог стать и оставаться до сих пор столь популярным? Ведь среди суннитов, которые составляли и составляют большинство населения исламского мира, му'тазилитское учение считалось ересью.

Ответ лежит не в богословских, а в филологических занятиях Замахшари. В отличие от других признанных мэтров мусульманкой экзегетики, он не историк, как Табари и Ибн Касир, не философ, как Фахр ад-Дин ар-Рази, не правовед, как Куртуби и Ибн 'Араби. Он лингвист и риторик, а как комментатор – прежде всего второе. Пожалуй, никто, как он, не чувствует текст Писания ислама. Именно текст, его стилистику, его композицию, а не обстоятельство ниспослания тех или иных фрагментов или какие-то иные внешние по отношению к собственно тексту факторы. Он улавливает тончайшие оттенки выражаемого смысла, по-особому ощущает связность фраз и мыслей. Постоянные вопросы, которые он задает в своем комментарии: «Почему это сказано после таких-то аятов?» или «Почему это сказано так, хотя обычно говорят по-иному?» и т.д. Ответы на эти вопросы, всегда точные, иногда парадоксальные, которые приближают читателя к проникновению в глубинный смысл текста Писания, и обеспечили тафсиру Замахшари место среди самых известных, самых читаемых и почитаемых комментариев к Корану. Причем, скорее, вопреки, а не благодаря его богословским пристрастиям.

Однако именно приверженность учению му'тазилитов оказалась тем стимулом, который вызвал интерес Замахшари к стилю и литературным достоинствам Писания. Му'тазилиты, как известно, были принципиальными сторонниками тезиса о сотворенности Корана. Собственно говоря, они его и выдвинули, полагая, что вера в безначальность, несотворенность Корана есть нарушение принципа единобожия. Однако массы верующих, равно как и ученые традиционалисты, восприняли это утверждение как умаление достоинства Писания ислама. Чтобы выправить ситуацию, му'тазилиты занялись разработкой учения о чудесности, неподражаемости (*i'jāz*) Корана. Коран сотворен, но он есть неповторимое чудо². Так можно кратко выразить связку двух тезисов в учении му'тазилитизма.

² Корни веры в чудесность, неподражаемость Корана лежат, в отличие от вопроса о его сотворенности или несотворенности, в самом Писании ислама (См.: [1, с. 15–40]).

Среди известных фигур, первыми занявшихся вопросом о неподражаемости Корана, были один из шейхов этой богословской школы ан-Наззам (ум. 845) и его ученик, знаменитый литератор ал-Джахиз (ум. 868), также му'тазилит по убеждениям, автор книги «Назм ал-Кур'ан» (Строй или Слог Корана). Они положили начало науке о неподражаемости, однако первое обоснование того, почему Коран неподражаем, принадлежащее ан-Наззаму, не было принято коллегами. Ан-Наззам утверждал, что Коран – неповторимое чудо потому, что Аллах оградил его от попыток соперничества, лишив людей не только возможностей, но даже и желания соперничать с Божественным словом. Теорию «недопущения» (*sirfa*), выдвинутую ан-Наззамом, далее опровергали практически все, кто занимался данной дисциплиной. Они усматривали в ней имплицитное допущение того, что в самом Коране нет ничего чудесного и неповторимого, раз его надо ограждать. В дальнейшем основания чудесности Корана искали уже в самом тексте, а не в ограде, вокруг него. Мы не будем здесь пересказывать детали этих поисков, тем более что их прекрасно изложил Суйути в уже процитированной главе «Совершенства». Ограничимся лишь одним замечанием. В конечном итоге мусульманская наука пришла к выводу, что суть чудесности Корана – это его слог и стиль. Этот вывод привел к возникновению риторики как инструмента анализа стилистики текста, а возникшая наука была применена к Писанию ислама, став очень важной частью мусульманского корановедения.

Дальнейшие вехи таковы. Итоговое и самое главное сочинение о неподражаемости Корана было написано богословом аш'аритской школы, пришедшей на смену му'тазилитам, знаменитым Абу Бакром ал-Бакиллани (ум. 1013). На этом прочном теоретическом основании возникла риторическая наука, которую создал 'Абд ал-Кахир ал-Джурджани (ум. 1078), грамматист по образованию. Созданный инструмент для анализа стиля был применен к изучению текста Корана, причем одним из первых и самых известных в этом деле оказался именно Замахшари, тоже грамматист, но также и риторик, воспринявший науку Джурджани.

Обратимся теперь к Введению, предварив перевод несколькими замечаниями.

Структура Введения такова:

- [Предисловие – Хутба];
- [Два уровня науки толкования];

- [Главная наука для раскрытия сокровенных истин – риторика];
- [Повод для написания комментария].

В предисловии, практически обязательном для любого мусульманского сочинения, структура которого определяется славословием Аллаху и Его посланнику, авторы обычно предваряют какие-то важные для этого сочинения темы.

Так вот, Замахшари начинает хутбу тем, что говорит о композиционной стройности и завершенности текста Писания, несмотря на то, что ниспосылался он вразбивку, а также о наличии в нем четкой структуры, прочерченной делением на суры и айаты, заявляя тем самым о своем интересе к изучению строя текста. Кроме того, он упоминает о наличии в Коране двух частей: бесспорного (*muḥkam*) и неочевидного (*mutashābih*), как бы предваряя разговор о двух уровнях понимания текста, следующий далее³.

Затем, упомянув единство Всевышнего, который один вечен, Замахшари, совершенно в духе учения му'тазилитов, переходит к сотворенности Корана, а далее – к его чудесности и неподражаемости, уделив большое внимание теории «вызова». Эта теория строится на коранических текстах, где говорится о том, что язычникам-арабам был брошен вызов попытаться превзойти Коран, но никто даже не попытался сделать это⁴.

Можно сказать, что уже в хутбе Замахшари совершенно осознанно заявляет как о своих богословских взглядах, так и о центре своих интересов в изучении Корана.

В следующем разделе он говорит о том, что в любой науке, в том числе и в науке тафсира, есть два уровня, один – доступный всем, и другой – куда могут проникнуть лишь самые избранные. Именно там находятся «тонкости смыслов, бросающие вызов умам, таинственные секреты, скрывающиеся за завесами, ... хранилища тайн, до которых трудно добраться». Этот уровень глубинного, а не поверхностного смысла Писания ислама и интересует Замахшари прежде всего: «Эту науку не исчерпать, и к ней устремляют взоры все знающие люди». В этом контексте он упоминает книгу ал-Джахиза, о которой мы говорили выше, как бы снова заявляя свою богословскую позицию.

В третьем разделе Введения он утверждает, что ключом к этим тайнам Писания является наука риторика, и именно поэтому она – главная наука для

³ Подробнее об этих двух категориях применительно к кораническому тексту см.: [2, с. 26–63].

⁴ О теории «вызова» и соответствующих айатах см.: [1, с. 16–20].

толкователя. Только глубоко изучив эту науку, комментатор «станет рыцарем науки о выражении, одним из первых среди хранителей Писания, оставшись при этом верным своей природе, наделенным острым чутьем, бдительным душой, могущим замечать тончайшие нюансы, самые скрытые символы». Тогда он будет «мастером в искусстве мысли и слова, понимающим, как складывается и строится речь, как достигается порядок и гармония в ней».

В последнем разделе Введения, где Замахшари рассказывает, почему и как он решил написать комментарий, он опять четко заявляет свою «партийную» принадлежность. В тексте прямо говорится, что написал он тафсир по просьбе своих единомышленников и для них.

Как мы видим, это предисловие, очень выстроенное и очень индивидуальное, ясно показывает нам, кем является комментатор и какую цель он перед собою ставит. Предоставим слово Замахшари.

***

Замахшари. Введение к комментарию «ал-Кашшаф».

*Перевод с арабского*⁵

[Предисловие – Хутба]⁶

Слава Аллаху, который ниспослал Коран как речь стройную, упорядоченную (*mu'allaf munazzam*), низведенную в разбивку (*munajjam*) по мере надобности. Он открыл Коран славословием (*tahmīd*)⁷, а завершил его взыва-

⁵ Для перевода были использованы издание (Каир, б.г.) под редакцией и с примечаниями Йусуфа ал-Хаммады, а также электронная версия издания (Бейрут, 1407 г.х.). Текст переведен с незначительными сокращениями.

⁶ Это стандартное предисловие (*хутба*), характерное для большинства мусульманских книг. Оно состоит из двух частей: славословия Аллаху и благословения пророку Его и его ближайшему окружению. В переводе начало каждой части мы выделили жирным шрифтом для удобства читателя. Длина и содержание хутбы могут варьироваться довольно значительно. Как правило, темы, затрагиваемые в хутбе, затрагивают и предваряют тот предмет, которому посвящена книга. В данном случае в первую часть, славословие Аллаху, встроена общая характеристика Корана, где выделяются две темы: а) сотворенность Корана, ибо только Аллах вечен и не имеет начала, и б) его чудесность, неподражаемость. В му'тазилитской доктрине, которую разделял Замахшари, эти два тезиса – сотворенность и неподражаемость – часто стоят рядом, и второй тезис как бы уравнивает первый, вызывавший на протяжении веков много споров и возражений. Отметим еще два момента: Замахшари прямо говорит о том, что коранический свод имеет выстроенную композицию, а также что текст Корана делится на две части: бесспорное и неочевидное. Эти два момента имеют важное значение именно для теории и практики тафсира.

⁷ Имеется в виду начальная сура Корана. Замахшари как ханафит исходит из того, что первым аятом «Фатихи» является «Слава Аллаху, Господу миров», а формула «Во имя Аллаха Милостивого Милосердного» является только надписанием, как и в остальных сурах.

нием к помощи (*isti'ādha*)⁸. Он выделил в откровении две части: неочевидное (*mutashābih*) и бесспорное (*muhkam*)⁹, и разделил (*faṣṣala*) Коран на суры, а суры – на айаты, выделив их разделениями (*fuṣūl*) и концовками (*ghāyāt*).

Все это мог сделать только Тот, у Кого атрибуты Начинателя и Созидателя (*mubtadi' mubtadi'*), черты Зачинателя и Изобретателя (*munshi' mukhtari'*). Достохвален Тот, кто оставил себе первенство и вечность. Все же остальное помимо Него – новосоздано после того, как его не было.

Он положил начало (*ansha'a*) Корану¹⁰, книге, в которой блеск изъяснения и неопровержимость доводов, книге живой, говорящей, полной ясных знамений и доказательств. Он воздвиг ее «**арабским Кораном без всякой кривизны**» (39:28), сделав ключом к пользе для дел веры и мира и подтверждением истинности небесных книг, бывших до него.

Он явил Коран неподражаемым чудом (*mu'jizān*), которое останется вечно, когда все прочие чудеса будут стерты временем, которое распространится в мире среди прочих книг на всех языках и во всех краях.

Он заткнул Кораном рты чистокровным арабам, которые были вызваны на соперничество с ним, заставил замолкнуть тех искусных ораторов, кому был брошен вызов. Ни один из обладателей чистого языка не произвел ничего, что могло бы сравняться с Кораном или просто быть поставленным с ним рядом. Ни один красноречивый оратор не смог подняться до уровня даже самой короткой суры, хотя этих краснобаев было больше, чем камешков гальки, они были многочисленней, чем песчинки в пустыне. Не выиграл в них азарт крови (*'aṣabiyya*) при том, что они были известны своим пристрастием к полемике и соперничеству, которым они готовы бывали отдать все силы особенно, когда речь шла о серьезных делах или когда они видели, что нечто идет вразрез с их намерениями. Стоило кому-то сочинить восхваление, как тут же

⁸ Имеются в виду две последние суры Корана, «Рассвет» и «Люди», которые начинаются одинаково: «Скажи: Прибегаю (*a'ūdhu*) к Господу...». Фактически Замахшари исходит из того, что коранический текст имеет композиционную рамку, обрамлен молитвами. Похожую точку зрения мы высказывали в статье: [3].

⁹ Это одно из основополагающих положений подхода к интерпретации Писания. Его источник – аят 3:7: «**Он – тот, кто ниспослал тебе писание; в нем есть айаты бесспорные, которые – мать книги, и другие, неочевидные...**». Примечательно, что в своем тексте Замахшари меняет порядок категорий, выдвигая вперед неочевидное.

¹⁰ Замахшари, как му'тазилит, сразу в начале введения говорит о сотворенности Корана, а вслед за этим начинает излагать учение о его чудесности, неподражаемости.

появлялись другие восхваления. Стоило кому-то воспеть героические деяния, как сразу начинали звучать другие героические оды¹¹.

Он сначала лишил противников аргументов, а потом не дал им успеха в противостоянии мечом. Они было попытались прибегнуть к одному мечу, но меч, если его не заострили аргументы, всего лишь игрушка, пустая забава. Отказались же они полемизировать аргументами, потому что знали, что море, когда разольется, поглотит другие водоемы (*kawākib*), что солнце, когда засияет, погасит свет звезд (*kawākib*)¹².

Благословение (*salāt*) лучшему из тех, кому было дано откровение, возлюбленному Аллахом, Абу-л-Касиму Мухаммаду ибн 'Абдаллаху ибн 'Абд ал-Мутталибу ибн Хашиму, знамени, воздвигнутому среди бану Лу'айй, ветви, возвышающейся над 'Абд Манаф ибн Кусайй, наделенному непогрешимостью (*'iṣma*)¹³, подкрепленному мудростью, лучшему из лучших, отмеченному в Торе и Евангелии¹⁴, а также роду его чистому, преемникам его – халифам, бывшим ему тестями и зятьями¹⁵, и всем мухаджирам и ансарам¹⁶.

[Два уровня науки толкования]

Знай, что остов всякой науки и костяк всякого искусства составляют ряды ученых примерно одного порядка, когда шаги творцов в них – близкие или одинаковые. Если какой-то ученый опередит другого ученого, то лишь на

¹¹ Замахшари, как му'тазилит, особый акцент делает на учении шейха его богословской школы ан-Наззама (ум. 845), одного из основоположников науки о неподражаемости Корана. Ан-Наззам утверждал, что неподражаемость покоится на «недопущении» (*ṣirfa*), что Аллах отвратил (*ṣarafā*) от соперничества с Кораном, заволожив их. Большинство ученых полемизировало с этим тезисом, полагая, что неподражаемость должна быть в самом тексте, а не в каком-то внешнем обстоятельстве, подробнее см.: [1, с. 15–40].

¹² Здесь игра слов. Одно и то же слово – *kawākib* – употреблено в двух разных значениях, редком и общераспространенном.

¹³ Термин *'iṣma* «непогрешимость, или безгрешность» в суннитской доктрине относили к пророкам и, прежде всего, к Мухаммаду, а в шиитском (имамитском) учении – также и к имамам. Все ли пророки обладают этим статусом и кто именно – было предметом дискуссий, подробнее см.: [4].

¹⁴ Речь идет о предсказаниях появления Мухаммада или его описаниях, которые, согласно мусульманским богословам, были в предыдущих писаниях.

¹⁵ Из четырех праведных халифов двое – Абу Бакр и 'Умар – были тестями Мухаммада, а двое – 'Усман и 'Али – зятьями.

¹⁶ Два основных разряда сподвижников Мухаммада. Мухаджиры – это мекканцы, совершившие хиджру (переезд из Мекки в Медину) вместе с Пророком, а ансары – это мединцы, принявшие ислам и принявшие Мухаммада вместе с мухаджирами. Концовка хутбы показывает, что Замахшари, сам суннит, занимал взвешенную позицию в спорах шиитов и суннитов, поскольку рядом с Мухаммадом упомянуты как чистый род его (ведущий свое начало от 'Али и Фатимы), так и сподвижники Пророка. Крайние шииты упоминают обычно только чистый род Мухаммада, а крайние сунниты – только сподвижников (в число которых по умолчанию входит и 'Али).

несколько шагов, если один мастер того или иного ремесла и вырвется вперед по отношению к другому, то только на небольшое расстояние.

Однако есть то, в чем действительно разнятся ранги, где бывает опережение и соперничество, превосходство и мастерство, где, с одной стороны, дело доходит до глубочайших заблуждений, а с другой – где можно подняться до уровня, когда одного считают за тысячу. Это те красоты мысли и ума, которые есть в науках и искусствах, те тонкости смыслов, бросающие вызов умам, таинственные секреты, скрывающиеся за завесами, все то, во что могут проникнуть из числа избранных (*khāṣṣa*) лишь единицы, самые избранные. Прочие же слепы и не могут постичь суть. Они пленники следования принятой традиции (*taqlid*), не могущие освободить свой ум и дать ему волю.

Из того, что будоражит умы и завораживает чувствительные сердца, – редкие мысли, нуждающиеся в тонком подходе, хранилища тайн, до которых трудно добраться, – больше всего содержится в науке толкования (*tafsira*). Эту науку не исчерпать, и к ней устремляют взоры все знающие люди, как упоминал ал-Джахиз в книге «Назм ал-Куран» (Строй Корана)¹⁷.

[Главная наука для раскрытия сокровенных истин – риторика]

Однако ни законовед (*faqih*), даже если он выделился среди своих коллег в знании богословско-правовых заключений (*fatāwā*) и заповедей (*aḥkām*), ни богослов (*mutakallim*), даже если он превзошел всех обитателей этого мира в искусстве богословия, ни знаток историй и преданий (*qīṣaṣ wa-akhbār*), даже если у него память сильнее, чем у Ибн ал-Киррийи¹⁸, ни проповедник (*wā'iz*), даже если он превзошел в поучениях ал-Хасана ал-Басри¹⁹, ни грамматист (*naḥwīyū*), даже если он разбирается в грамматике лучше Сибавайхи²⁰, ни лексикограф (*luḡhawīyū*), даже если он досконально изучил все

¹⁷ Абу 'Усман – Амр ибн Бахр ал-Джахиз (780-869), знаменитый литератор-энциклопедист, один из столпов литературы адаба, ученик известного му'тазилита ан-Наззама. Ал-Джахиз и его учитель ан-Наззам первыми начали разрабатывать учение о неподражаемости Корана. Книга ал-Джахиза «Назм ал-Куран» (Строй Корана) считалась утраченной, но, насколько нам известно, была издана в 1995 году. Однако она осталась для нас недоступной.

¹⁸ Ибн ал-Киррийя (вар. Кирийя) – чистокровный араб, который прославился своим красноречием и памятью. Его имя вошло в поговорки «Такой-то красноречивей, чем Ибн ал-Киррийя», «У такого-то память крепче, чем у Ибн ал-Киррийи».

¹⁹ Ал-Хасан ибн Йасар ал-Басри (642-728), отец которого был вольноотпущенником Зайда ибн Сабита, знаменитый хадисовед, чтец и комментатор Корана, богослов и аскет.

²⁰ Сибавайхи (ум. 796), выдающийся арабский языковед, трактат которого «Китаб» лег в основание арабской грамматической науки. См. русский перевод вводного раздела книги: [5].

языки и говоры (*lughāt*), ни один из них не сможет пойти по этой дороге, и не откроются ему там истинные знания, если он не овладел двумя науками, специально предназначенными для Корана: наукой о значениях (*'ilm al-ma'ānī*) и наукой об изъяснении (*'ilm al-bayān*)²¹. Он должен потратить время на изучение их, просидеть часы, чтобы освоить все грани их метода и изучить все их положения ради того, чтобы подойти к познанию этого свидетельства Аллаха (*ḥujjat allāh*), к постижению чуда (*mu'jiza*), дарованного посланнику Аллаха. Но сначала он должен взять кое-что от каждой науки, соединяя два метода: исследование (*tahqīq*) и запоминание (*ḥifẓ*). Он должен много читать и неоднократно повторять выученное. Тогда потраченное время вернется к нему, и он станет рыцарем науки о выражении (*i'rāb*)²², одним из первых среди хранителей Писания, оставшись при этом верным своей природе, наделенным острым чутьем, бдительным душой, могущим замечать тончайшие нюансы, самые скрытые символы. Он станет гибким и чутким, а не закоснелым сухарем. Он овладеет всеми приемами и способами стихов и прозы, станет мастеров в искусстве мысли и слова, понимающим, как складывается и строится речь, как достигается порядок и гармония в ней, как не споткнуться, не запнуться и не поскользнуться в речах.

[Повод для написания комментария]

Мои братья по вере из числа достойнейших представителей слоя тех, кто спасется, сторонников справедливости (*afādil al-fi'a an-nājiya al-'adliyya*)²³, соединяющие в себе науку арабского языка и науку оснований веры (*al-uṣūl ad-dīniyya*), нередко обращались ко мне с просьбой дать толкование какого-то аята. Каждый раз я приоткрывал завесу над некоторыми истинами. И я заметил, что они восторгались и удивлялись, выражая желание увидеть сочинение, заключающее в себе часть этого. В конце концов, они все вместе сдела-

²¹ Замахшари имеет в виду науку риторики (*'ilm al-balāgha*), которую создал 'Абд ал-Кахир ал-Джурджани (ум. 1078). Эта наука выросла из учения о неподражаемости Корана как инструмент изучения стиля и слога Писания ислама. Риторика имеет трехчастную структуру, она состоит из трех наук, из которых Замахшари упоминает две главных.

²² Здесь это слово, насколько можно судить, употреблено не в узком, терминологическом смысле (словоизменение), а в изначальном, общеязыковом его значении.

²³ Замахшари имеет в виду му'тазилитов, которые себя называли «людьми справедливости и единобожия» (*ahl al-'adl wa-t-tawhīd*). В противопоставление точке зрения представителей суннитского правоверия, которые считали му'тазилитов еретиками, Замахшари прямо заявляет, что это течение в исламе будет в числе тех, кто спасется, намекая на известный хадис. Можно сказать, что автор говорит, что его тафсир написан с му'тазилитских позиций.

ли мне предложение продиктовать им книгу «Раскрытие истин ниспослания и источников суждений об аспектах истолкования» (*al-Kashf ‘an ḥaqā’iq at-tanzīl wa-‘uyūn al-aqāwīl fī wujūh at-ta’wīl*). Я извинился и отклонил предложение, но они отказались принять отказ и продолжали настаивать, прибегнув к помощи великих мужей веры и ученых, сторонников справедливости и единобожия (*al-‘adl wa-t-tawhīd*). Я знал, что ответить на их просьбу – моя обязанность, ибо приступить к такому делу – подобно религиозному долгу. Причиной же моего отказа было то, что я видел вокруг себя – время упадка, когда люди слабосильны и все их помыслы ограничиваются самыми ничтожными потребностями этого мира. Разве могут они дотянуться до уровня речей, основанных на науках о значениях и об изъяснении.

Я продиктовал им раздел о зачинах (*fawātih*) сур и кое-что об истинах суры «Корова» (№2). Это было очень упрощенное изложение, построенное на вопросах и ответах, со многими примечаниями и пояснениями. Я пытался дать им ощутить все богатство тонкостей этой науки, чтобы у них был маяк, по которому они могли бы определять путь, и пример, которому они могли бы следовать.

Когда же окрепло у меня намерение оказаться по соседству с домом Аллаха, побыть в Его святилище (*ḥaram*), я направился в сторону Мекки. И в каждом селении, через которые пролегал мой путь, я находил тех его обитателей, к которым все обращались, а таких совсем немного. И я обнаружил, что они жаждали заполучить надиктованное, познакомиться с ним и переписать для себя. То, что я увидел, очень тронуло меня и подвигло на то, чтобы начать работу. А в Мекке я повстречал благородного имама чести рода посланника Аллаха эмира Абу-л-Хасана ‘Али ибн Хамзу ибн Ваххаса, да продлит Аллах его славу, который утверждает славу науки среди потомков ал-Хасана²⁴, и узнал, что он собирался отправиться ко мне в Хорезм с той же самой целью. Я сказал: «Для извинений больше нет оправданий» и решил начать комментарий.

Я прошу Аллаха, чтобы все мои труды над ним стали моим путем к спасению и чтобы его свет освещал мне переход через мост (*ṣirāt*) передо мной и справа от меня. Да благословен Тот, к Кому обращают просьбы.

---

²⁴ Речь идет об одном из потомков ‘Али по линии его сына ал-Хасана, современнике Замахшари.

Литература

1. Джалал ад-Дин ас-Суйути. *Совершенство в коранических науках. Выпуск 5: Учение о неподражаемости и достоинствах Корана*. Под общей ред. Д.В. Фролова. М.: Муравей; 2006. 192 с.

2. Джалал ад-Дин ас-Суйути. *Совершенство в коранических науках. Выпуск 4: Учение о понимании смыслов Корана*. Под общей ред. Д.В. Фролова. М.: Восток – Запад; 2005. 320 с.

3. Frolov D.V. The Role of Prayers in the Composition of the Qur'ān. *Sources and Approaches across Disciplines in Near Eastern Studies. Proceedings of the 24th Congress UEAI*. Leuven: Peeters; 2013. pp. 83–90.

4. Tyan E. 'Isma. *The Encyclopaedia of Islam*. New edition. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill; 1997. pp. 182–184.

5. Абу Бишр 'Амр Сибавайхи. *Китаб. Введение (главы 1–7). Перевод и комментарии*. М.: Издательский дом ВКН; 2018. 144 с.

References

1. Djalal ad-Din as-Suyuti. *Sovershenstvo v koranicheskikh naukah. Vyp. 5: Uchenie o nepodrazhaemosti i dostoinstvakh Korana* [The Perfect Guide to the Sciences of the Qur'an. Vol. 5. The doctrine of the inimitability and the virtues of the Qur'an]. D.V. Frolov (ed.). Moscow: Muravey; 2005. 192 p. (In Russian)

2. Dzhahal ad-Din as-Sujuti. *Sovershenstvo v koranicheskikh naukah. Vyp. 4: Uchenie o ponimanii smislov Korana* [The Perfect Guide to the Sciences of the Quran. Vol. 4. The doctrine of understanding of the meanings of the Qur'an]. D.V. Frolov (ed.). Moscow: Vostok-Zapad; 2005. 320 p. (In Russian)

3. Frolov D.V. The Role of Prayers in the Composition of the Qur'ān. *Sources and Approaches across Disciplines in Near Eastern Studies. Proceedings of the 24th Congress UEAI*. Leuven: Peeters; 2013, pp. 83–90.

4. Tyan E. 'Isma. *The Encyclopaedia of Islam*. New edition. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill; 1997, pp. 182–184.

5. Abu Bishr 'Amr Sibavaikhi. *Kitab. Vvedenie (glavy 1–7). Perevod i kommentarii*. [Kitab. Introduction (chapters 1-7). Translation and comments.] Moscow: Izdatel'skii dom VKN; 2018. 144 p. (In Russian)

Фролов Д.В.
Введение Замахшари (ум. 1144) к его комментарию к Корану «ал-Кашшаф»

Информация об авторе

Фролов Дмитрий Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, ведущий кафедрой арабской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Dmitry V. Frolov, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Arabic Philology of the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 марта 2020
Одобрена рецензентами: 15 мая 2020
Принята к публикации: 01 июня 2020

Article info

Received: March 13, 2020
Reviewed: May 15, 2020
Accepted: June 01, 2020